

Коннел Ричард

Самая опасная дичь

Справа от нас и находится этот чертов остров, - кивнув в сторону океана, произнес Витней.

- Скажите, ведь это всего-навсего красивая легенда, не правда ли? спросил Рейнсфорд.

- Не знаю. На старых морских картах он так и назван "Piege a Bateaux", "ловушка кораблей", - задумчиво проговорил Витней. - Как вы видите, само имя говорит за себя. К тому же моряки действительно боятся этого места. Я не знаю причины. Впрочем, какое-то старое матросское суеверие...

- Странно, я никак не могу его разглядеть, - заметил Рейнсфорд, всматриваясь в темноту тропической ночи.

- У вас же хорошие глаза, - засмеялся Витней. - Я помню, как вы более чем с трехсот метров увидели эту полосатую тварь, тигра, который подкрадывался к нам в джунглях, а теперь вы не можете разглядеть целый остров, находящийся в шести километрах.

- Действительно, ничего не вижу, - согласился Рейнсфорд. - Уф! Не ночь, можно сказать, а мокрый бархат...

- В Рио будет совсем светло, - пообещал Витней. - Судну осталось плыть несколько часов... Надеюсь, ружья для охоты на ягуара уже прибыли от Пюрея. Мы неплохо поохотимся на Амазонке. Великолепный спорт - охота!

- Самый прекрасный спорт в мире! - воскликнул Рейнсфорд.

- Для охотника, - поправил Витней, - но не для дичи.

- Не говорите глупостей, Витней, - сказал Рейнсфорд. - Вы же охотитесь на крупную дичь, а не занимаетесь философией. Кого волнуют переживания зверя?

- Может быть, его самого, - заметил Витней.

- Ба! Ему не хватит ума для этого.

- Думаю, он чувствует по крайней мере одну вещь: страх. Страх перед болью, страх перед смертью...

- Сказки! - засмеялся Рейнсфорд. - Это жара вас размягчила, Витней. Будьте реалистом! Мир разделен на две категории: охотников и тех, на кого охотятся. К счастью, мы с вами охотники... Не кажется ли вам, что мы уже прошли тот самый остров?

- Я этого не заметил, слишком темно. Но надеюсь...

- Почему?

- Все потому же. У этого места репутация... понимаете, плохая репутация.

- Каннибалы? - подсказал Рейнсфорд.

- Не совсем. Даже каннибалы не согласились бы жить на этом острове. Никто не знает, почему он так хорошо известен матросам. Вы не заметили, сегодня у них особенно взвинчены нервы?

- Да, пожалуй. Теперь, когда вы мне сказали, я нахожу, что они слегка не в себе. Даже капитан Нельсен...

- Да, старый швед, который готов собственной персоной заглянуть в зубы дьяволу, и тот, по-моему, сдал. Сегодня в его глазах было такое выражение, словно он чего-то ждет, ждет и боится. "У этого места, сэр, плохая слава, сказал он мне. Затем вполне серьезно спросил: - Вы ничего не чувствуете? Как будто сам окружающий воздух стал чумным, а?" И, не дожидаясь ответа, ушел в каюту. Не смейтесь, Рейнсфорд, признаюсь, что после его слов я действительно почувствовал

себя не в своей тарелке... Кстати, смотрите, ветер стих. Море спокойно. К тому же, кажется, мы приближаемся к острову. Да, так оно и есть! В стороне что-то темнеет...

- Чепуха! - сказал Рейнсфорд. - Страхование какого-то суеверного моряка оказалось достаточно, чтобы заразить всех на борту.

- Возможно. Но мне иногда кажется, что моряки от природы одарены каким-то особым, сверхъестественным чувством, интуицией, если хотите, которая предупреждает их о надвигающейся опасности. Там, где человек один на один с природой, это свойство отнюдь не лишнее... Иногда я думаю, что опасность нечто осязаемое, и у нее своя длина волны, как у звука или у света. Тогда, можно сказать, любое опасное место исторгает свои волны. Почему бы и нет? Сейчас, например, я радуюсь, что мы удаляемся от этого неприятного места... Пожалуй, я пойду к себе, Рейнсфорд.

- К сожалению, мне не хочется спать, Витней. Вы же идите, а я выкурю еще одну трубку на корме.

- Тогда спокойной ночи, Рейнсфорд! Увидимся за завтраком.

- Спокойной ночи, Витней.

* * *

Ничто не нарушало могильной тишины ночи, когда Рейнсфорд остался один. Только тяжелая пульсация машины в ведрах корабля да усталое трение и плеск волн за кормой скрашивали размеренный ритм хода. Откинувшись в шезлонге, Рейнсфорд задумчиво посасывал любимую пенковую трубку. Сладостное оцепенение этой южной тропической ночи охватило его. "В такую темень, - подумал он, можно спать, не закрывая глаз, ночь вполне заменит веки".

Неожиданный шум за бортом заставил его привстать с места. Далеко справа Рейнсфорд услышал, в этом он мог не сомневаться, самый знакомый из всех звуков. Где-то далеко в ночи, кажется в районе загадочного острова, трижды выстрелили из ружья. Рейнсфорд, пожалуй, вслушайся бы он чуточку внимательнее, готов был поклясться, что точно определил марку оружия.

Охотник вскочил с жалобно заскрипевшего шезлонга и бросился к поручням. Увы, увидеть что-либо там, откуда донеслись выстрелы, - все равно, что пытаться разглядеть в темной комнате незнакомый предмет, да еще закрытый покрывалом. Рейнсфорд взобрался на поручень, чтобы получше видеть, и застыл там, словно каменное изваяние. В то время, когда он наклонился, вслушиваясь в ночь, легкий толчок волны накренил судно, и трубка, его знаменитая пенковая трубка, задев за какую-то снасть, выскользнула изо рта. Пытаясь ее поймать, Рейнсфорд качнулся вперед. Хриплый крик вырвался у него из горла, когда он, теряя равновесие и нелепо размахивая руками, стал валиться за борт. Этот крик сразу же захлебнулся, когда теплая, как кровь, вода сомкнулась над его головой.

...Рейнсфорд вынырнул на поверхность и принялся бороться с неподатливой темной водой, стараясь подняться как можно выше, чтобы закричать, но упругие мягкие волны насмешливо били его в лицо, в глаза, в ноздри. И когда он открыл рот, крик его, хрип его, клекот его был настолько слаб, что он сам ничего не услышал. Рейнсфорд яростно бросился плыть вслед за удаляющимися огнями судна, но, не проплыв и ста метров, остановился. К нему вернулись рассудок и способность соображать. В первый раз за всю свою полную опасностями и приключениями жизнь он оказался в таком отчаянном положении. У него оставался один-единственный шанс, что его крик будет услышан на корабле, но этот шанс был ничтожно мал и с каждой секундой уменьшался, по мере того как судно исчезало в ночи. С большим трудом Рейнсфорд освободился от одежды, приподнялся над водой и закричал изо всех сил. Бортовые огни были теперь совсем бледными светлячками, готовыми вот-вот исчезнуть. Затем их поглотила ночь.

Рейнсфорд вспомнил о ружейных выстрелах. Они слышались справа, и он,

экономя силы, поплыл в том направлении. На мгновение мелькнула мысль: он исчез с корабля вблизи загадочного острова. Что ж, легенда получила новое подтверждение...

В течение времени, которое показалось ему бесконечным, он боролся с морем. В отчаянии Рейвсфорд считал движения рук, загребавших воду, может быть, осталось сделать еще около сотни гребков, затем... Рейнсфорд услышал крик, он доносился со стороны острова. Это был пронзительный вой какого-то зверя, выражавший крайнюю степень тоски и отчаяния. Рейнсфорд смертельно устал, он даже не пытался определить, что это за крик и кому он принадлежит. Собрав последние силы, он поплыл в направлении берега.

Вопль - так кричит смертельно загнанный зверь - ему удалось услышать еще раз, затем крик был оборван сухим и отрывистым выстрелом. "Пистолет", автоматически отметил Рейнсфорд, продолжая свой бесконечный заплыв. Прошло десять минут, и тренированный слух охотника уловил шум иного рода, самый приятный из того, что ему когда-либо доводилось слышать. Тяжелый рокот и раскаты волн, разбивающихся о скалистый берег.

Рейнсфорд оказался на камнях раньше, чем успел их увидеть. Теперь он был прижат к их массе упругими волнами и смог немного отдышаться. Затем, собрав последние силы, он стал выбираться из карусели прибоя. С большим трудом Рейнсфорд взобрался на скользкую вершину огромного камня и уже на последнем дыхании, с дрожащими руками и ногами финишировал где-то на самом верху, на узкой полоске песка.

Темные джунгли вплотную подступали к скалистому, обрывистому берегу. Какая опасность подстерегает его здесь, в густом сплетении кустарников и деревьев? Думать сейчас об этом не было сил и, пройдя несколько метров, Рейнсфорд повалился на жесткие листья. Это был самый глубокий сон, которым когда-либо доводилось спать Рейнсфорду...

Он медленно открыл глаза и увидел солнце. По положению светила на небе он понял, что сейчас уже далеко за полдень. Сон вернул силы и разбудил чувство голода. Облегченно вздохнув, Рейнсфорд осмотрелся. "Там, где стреляют из пистолета, есть и люди. Там, где есть люди, есть и пища..." Нехитрая логическая задачка с неразгаданным концом. "Что за люди живут на этом острове?.."

Беспрерывная бахрома, запутанных и искромсанных джунглей окаймляла берег. Никаких следов человека, ни намек на звериную тропу в глухом переплетении трав, кустов и деревьев. Шлепая босыми ногами по лужам воды, Рейнсфорд двинулся вперед. У того места, где он ночью вылез на берег, Рейнсфорд остановился. Какой-то раненый зверь, судя по следам, довольно крупный хищник, поломал в этом месте густые заросли кустарника. Растения были раздавлены, мох был вырван с корнем. В одном месте на траве выделялось пятно темно-красного цвета. Внимание Рейнсфорда привлек маленький блестящий цилиндрик. Это была пустая гильза.

"Двадцать второй калибр, - определил Рейнсфорд. - Вот что странно... Это было довольно крупное животное. Охотнику нельзя отказать в смелости атаковать такого зверя с ружьем столь малого калибра! Совершенно ясно, что животное яростно защищалось... Три первых выстрела, которые я услышал, были произведены тогда, когда охотник спугнул и ранил зверя, последний - когда шел по его следу и здесь прикончил".

Рейнсфорд внимательно исследовал почву вокруг и обнаружил то, что надеялся найти, - отпечатки охотничьих сапог. Они были повернуты в сторону прибрежных камней и терялись в том же направлении, в котором он шел. С жадным нетерпением Рейнсфорд, время от времени скользя на гнилой ветке или шатком камне, зашел по следу, чуть ли не надеясь догнать этого "волшебного стрелка". На остров начинала спускаться ночь, и Робинзон рисковал потерять спасительные следы

своего Пятницы...

* * *

Угрюмый мрак снова покрыл и море и джунгли, когда Рейнсфорд заметил огни. Он увидел их на излучине берега. Сначала ему в голову пришла мысль, что он находится перед деревней, так как огней было слишком много. Но по мере того как он продвигался вперед, Рейнсфорд с изумлением увидел, что огни сконцентрированы в одной точке. Это была огромная постройка, нелепое сооружение, увенчанное по углам квадратными башнями, которые терялись в темноте. Взгляд Рейнсфорда различил неясные контуры грандиозного замка. Он возвышался на высоком обрывистом берегу. С трех сторон скалы на брюхе сползали к воде, и здесь, в полной темноте, море лизало их хищно изогнутые спины и жадные обвислые губы.

"Мираж или замок Синей Бороды", - подумал Рейнсфорд, подходя к огромным металлическим воротам с острыми железными пиками. И, только потрогав их рукой, он убедился, что глаза его не обманули. Каменные, щербатые ступени были вполне реальны, массивная дверь с молотком в виде ухмыляющейся рожицы сатира была тоже реальной, и тем не менее на всем лежал отпечаток чего-то неестественного.

Рейнсфорд поднял тяжелый дверной молоток, которым, видимо, давно уже никто не пользовался, и опустил его. И тут же вздрогнул от удара, подобного звуку гонга. Металлическая створка двери гудела и вибрировала. Рейнсфорд снова поднял молоток, как дверь вдруг резко распахнулась, так резко и стремительно, словно ее отбросила стальная пружина. Рейнсфорд застыл от неожиданности, прикрыв глаза ладонью. Он стоял в лучах яркого света, который широкой рекой лился из дверного проема.

Первое, что он увидел, открыв глаза, был человек. Самый высокий из тех гигантов, которых ему когда-либо доводилось встречать. Гигант, крепко сложенный, с черной бородой, доходившей ему чуть ли не до пояса. Человек держал в руке длинноствольный револьвер и целил его прямо в грудь Рейнсфорду. Два маленьких, горящих, как уголья, глаза не отрываясь, смотрели в лицо Рейнсфорду.

- Не бойтесь, - сказал Рейнсфорд, как ему казалось, с обезоруживающей улыбкой. - Я не вор, я упал с судна. Меня зовут Санжер Рейнсфорд...

Взгляд незнакомца по-прежнему был мрачен, револьвер с той же твердостью и решительностью был направлен в грудь Рейнсфорду. Ничто не говорило о том, понял ли незнакомец слова охотника, или по крайней мере слышал ли он их. Человек был одет в черную, отделанную атласом и мехом куртку, напоминающую униформу лакея.

- Меня зовут Санжер Рейнсфорд, я из Лондона, - снова начал Рейнсфорд. - Я упал за борт... Я хочу есть.

Вместо ответа гигант взвел курок. Затем Рейнсфорд увидел, как его рука тянется в голову в воинском приветствии. Гигант щелкнул каблуками и встал по стойке смирно. По широкой мраморной лестнице спускался высокий, прямой человек в темном вечернем костюме. Отстранив гиганта, он приблизился к Рейнсфорду и протянул ему руку. Ясным голосом, с легким, едва заметным акцентом он сказал:

- Это большая честь для меня принять Санжера Рейнсфорда, знаменитого охотника.

Машинально Рейнсфорд пожал ему руку.

- Я прочел одну из ваших книг об охоте на снежного барса в тибетских горах, - объяснил хозяин. - Мое имя генерал Жофр... Будем знакомы!

Рейнсфорда поразила удивительная красота этого человека, своеобразие его лица. Это был высокий, стройный, изящный джентльмен, уже начавший стареть, с великолепными седыми волосами цвета платины. Правда, густые брови, усы, борода-эспаньолка были черны, как ночь, из которой только что вышел Рейнсфорд. Темные глаза, слегка выдающиеся скулы, тонкий, с горбинкой нос, худое нервное

лицо матового цвета - лицо аристократа и в то же время человека, привыкшего командовать...

Обернувшись к гиганту, генерал сделал ему знак рукой. Гигант убрал пистолет, отдал честь и отступил в сторону.

- Жан - существо невероятной силы, - заметил генерал. - К несчастью, он глухонемой. Простое создание, но невероятно жесток...

Тонкая улыбка тронула губы генерала.

- Не будем здесь задерживаться. Мы поговорим позже. А сейчас вам нужны одежда, еда и хороший отдых. Здесь вы можете на это рассчитывать.

Вновь появился слуга, и генерал заговорил с ним, шевеля одними губами и не издавая ни единого звука.

- Идите за ним, мосье Рейнсфорд, - сказал генерал. - Я как раз ужинал, когда появились вы. Я вас подожду. Мне кажется, что мои костюмы придутся вам впору.

Следуя за молчаливым гигантом, Рейнсфорд оказался в большой комнате с потолочными балками, с коврами, завешенными оружием, с огромной кроватью под балдахином, которая могла бы вместить сразу шесть человек. Жан достал вечерний костюм, и, надевая его, Рейнсфорд обратил внимание на то, что костюм сшит у лучшего лондонского портного, в числе клиентов которого, очевидно, не было человека ниже, чем в ранге герцога.

Обеденный зал, куда ввел Рейнсфорда Жан, был замечателен. На нем лежал отпечаток пышного средневекового великолепия. Обшитый дубовыми панелями, с высоким потолком, широким обеденным столом, за которым свободно могли бы одновременно разместиться человек сорок, он был похож на пиршественный зал феодального барона. Вокруг из стен выступали чучела голов животных: львов, тигров, слонов, лосей, медведей - великолепные экземпляры, которые когда-либо доверялось встречать Рейнсфорду. Генерал сидел в конце стола. Увидев гостя, он улыбнулся и предложил:

- Вы будете пить вечерний коктейль, мосье Рейнсфорд?

Коктейль был изумителен. Рейнсфорд отметил изысканность сервировки стола: белоснежная скатерть, хрусталь, серебро, фарфор. Как бы извиняясь, генерал сказал:

- Мы делаем все, что в наших силах, чтобы сохранить здесь все блага цивилизации. Я вас прошу не обращать внимания на кое-какие несовершенства... Мы находимся далеко от проторенных дорог, не правда ли? Вы не находите, что шампанское несколько пострадало от долгого путешествия?

- Что вы, генерал! Шампанское просто великолепно, - заявил Рейнсфорд.

Он видел в генерале интеллигентного человека, приветливого хозяина, настоящего джентльмена, и это нравилось Рейнсфорду. И тем не менее что-то в нем внушало неясную тревогу. Каждый раз, когда Рейнсфорд поднимал голову, он встречался с оценивающим взглядом хозяина.

- Возможно, вас удивило, что мне известно ваше имя, - сказал генерал. - Но я прочел все, что касается охоты, на испанском, английском, французском и немецком языках. Видите ли, у меня только одна страсть в жизни - охота!

- У вас собраны превосходные трофеи, - заметил Рейнсфорд, указывая глазами на головы животных. - Ваш кейптаунский буйвол самый большой из виденных мной...

Генерал ответил не сразу. Загадочная улыбка появилась на его губах.

- Нет, мосье Рейнсфорд, вы ошибаетесь, кейптаунский буйвол не самая опасная дичь в мире.

Он пил вино маленькими глотками.

- Здесь, на острове, в моем заповеднике, я охочусь действительно на самую опасную дичь.

Рейнсфорд удивился:

- На этом островке есть крупная дичь?

Генерал утвердительно кивнул и с гордостью произнес:

- Самая крупная в мире...

- Правда?

- Ох! Разумеется, в прямом смысле здесь ее нет. Необходимо было, чтобы я заселил остров...

- Что же вы привезли? Тигров?

Генерал снисходительно улыбнулся.

- Нет, - сказал он, - охота на тигров перестала меня занимать несколько лет назад. Я исчерпал их возможности. Скучно... Они не бросают меня в дрожь, как прежде. Это не настоящая опасность, мосье Рейнсфорд, а я живу для настоящей опасности...

- Но какая же дичь... - начал Рейнсфорд.

- Сравнится с тиграми, хотели сказать вы? Нет, мосье Рейнсфорд, и еще раз нет! Я знаю, вас это позабавит, но мне удалось осуществить одну идею. Я изобрел новую сенсацию... Вы разрешите налить вам портвейну, мосье Рейнсфорд?

- Спасибо, генерал.

Хозяин наполнил два бокала и продолжал:

- Одних бог создал поэтами, других - королями, третьих - нищими. Меня же он сделал охотником. Моя рука создана для гашетки, не раз говорил мой отец. Это был очень богатый человек, хозяин одной латиноамериканской республики и ярый охотник. Мне не было и пяти лет, когда я получил от него в подарок маленькое ружье, сделанное специально для меня по заказу, чтобы стрелять воробьев. Я его использовал не по назначению и убил несколько чужих индюков, он меня не наказал, а поздравил за точность стрельбы. Первого ягуара я убил в возрасте десяти лет. С тех пор вся моя жизнь - это только продолжительная охота, не более. Я пошел в армию, некоторое время командовал кавалерийским подразделением, но только охота всегда интересовала меня по-настоящему. Я охотился почти во всех странах мира, почти на все виды дичи. Невозможно перечислить количество убитых мною животных...

Генерал затянулся сигаретой.

- То, что творилось дома, меня не интересовало. После государственного переворота я покинул страну. Было бы неосторожностью оставаться там сыну смещенного диктатора, который пусть и не занимается политикой, а любит только охоту. Многие из хунты потеряли все свое состояние. Что же касается меня, я давно стал космополитом и, к счастью, перевел крупные суммы в американские банки, благодаря чему мне не пришлось открывать чайный салон в Монте-Карло или работать шофером такса в Париже. Естественно, я продолжал охотиться: гризли в ваших Скалистых горах, крокодилы Ганга, носороги Восточной Африки... Именно в Африке со мной дурно обошелся этот кейптаунский дьявол, из-за которого я шесть месяцев провалялся в кровати. Сразу же после болезни я отправился охотиться на ягуаров Амазонки, так как слышал, что они необыкновенно хитры. Это оказалось неправдой...

Генерал вздохнул.

- Они были не на высоте... Тем более для такого хладнокровного охотника, каким являюсь я, да еще вооруженного ружьем большого калибра. Это было горьким разочарованием для меня... Однажды ночью я лежал в палатке со страшной головной болью, когда спасительная мысль пришла мне в голову. Охота начинала мне надоедать! А ведь охота - это вся моя жизнь! Я где-то слышал, что в Америке деловые люди разоряются, как только они разочаровываются в том, что составляло основу их жизни.

- Да, это так, - заметил Рейнсфорд.

Генерал улыбнулся.

- У меня не было желания потерпеть крах. Надо было что-то делать. У меня аналитический ум, мосье Рейнсфорд, именно поэтому меня так увлекают охотничьи проблемы...

- Вне всякого сомнения, генерал.

- Я себя спросил, почему охота перестала меня волновать. Вы моложе меня, Рейнсфорд, и вы меньше охотились, чем я, но, возможно вы угадаете ответ.

- Какой же?

- Очень простой: охота - больше не то, что называют развлечением. Она стала слишком легкой. Я никогда не оставался без добычи. Никогда. Нет ничего более скучного, чем совершенство.

Генерал закурил новую сигарету.

- У животного не было ни одного шанса, чтобы уйти от меня. И это не бахвальство. Это скучный факт, математическая уверенность... У животного есть только лапы и инстинкт. Но инстинкт ничего не может противопоставить разуму. Когда мне пришла эта мысль, я вас уверяю, это был поистине трагический момент в моей жизни.

Захваченный тем, что говорил хозяин, Рейнсфорд наклонился через стол, ожидая чего-то необычного.

- ...И сразу же мне открылось то, что я должен был сделать, - продолжал генерал.

- И это было?..

Генерал улыбнулся как человек, который преодолел трудное препятствие и теперь гордится этим.

- Я должен был изобрести новую дичь.

- Новую дичь? Вы шутите.

- Напротив. Я не шучу, когда дело касается охоты. Мне было необходимо новое животное. И я нашел его. Я купил этот остров, построил этот дом и теперь здесь охочусь. Остров целиком удовлетворяет моему замыслу. Здесь есть джунгли, в которых проложены запутанные тропинки, холмы, болота...

- Но животное?

- О! - сказал генерал. - Я ему обязан охотой самой увлекательной в мире. С ней не сравнится никакая другая... Я охочусь каждый день и теперь никогда не скучаю, так как имею дело с дичью, против которой приходится использовать все мои знания.

На лице Рейнсфорда отразилось крайнее изумление.

- Я хотел найти идеальное животное для охоты, - пояснил генерал. Следовательно, я сказал себе: "Какими качествами должна обладать идеальная дичь?" И естественно, я ответил себе: "Она должна отличаться храбростью, хитростью и сверх того способностью рассуждать".

- Простите, генерал, но какое животное способно рассуждать? - возразил Рейнсфорд.

- Мой дорогой, - сказал генерал, - оно существует.

- Но вы же не подразумеваете... - оборвавшимся голосом начал Рейнсфорд.

- А почему бы и нет?!

- Я не могу поверить в то, что вы говорите. Это мрачная шутка, генерал...

- Почему бы не быть мне серьезным? Я же говорю об охоте?

- Об охоте? Боже мой, это убийство - то, о чем вы говорите.

Генерал добродушно улыбнулся. Он насмешливо посмотрел на Рейнсфорда.

- Я отказываюсь верить в то, что молодой человек, современный и цивилизованный, каким вы кажетесь, мог бы питаться такими романтическими иллюзиями. Определенно ваш военный опыт...

Он остановился.

- Не научил меня снисходительно относиться к предумышленному убийству! закончил Рейнсфорд с вызовом.

Генерал затрясся от смеха.

- Вы чрезвычайно забавны! - сказал он. - В наши дни даже в доброй старой Европе не ожидаешь найти человека, у которого такие наивные взгляды на жизнь и, если я могу позволить себе такую оценку - человека с ярко выраженными взглядами эпохи королевы Виктории. Ах да, ваши предки были пуритане! Но я побился бы об заклад, что вы забудете все ваши идеи, когда сходите со мной на охоту. Вас ждут, мосье Рейнсфорд, небывалые ощущения...

- Спасибо, я охотник, а не убийца!

- Боже мой, еще и это гадкое слово! Но я легко могу доказать вам, что ваша щепетильность плохо обоснована.

- Да?

- Жизнь создана для сильных, она должна быть ими прожита и по необходимости ими же расчищена. Слабые даны этому миру, чтобы доставлять удовольствие сильным. Я сильный. Почему бы мне не использовать этот дар? Я охочусь на отребье земли, моряков, нанятых по объявлению, храбрецов всех цветов и оттенков кожи: черных, белых, желтых и прочих метисов. Чистокровная или породистая собака стоит больше, чем любые двадцать из них.

- Но это же люди, черт побери! - взорвался Рейнсфорд.

- Именно, - возразил генерал. - Вот почему я их и использую. Это доставляет мне удовольствие. Они могут рассуждать более или менее. Следовательно, они опасны...

- Фашист, настоящий фашист! Этот Ницше, культ сильного человека... пробормотал Рейнсфорд.

Левое веко генерала опустилось вниз, нервная дрожь исказила его лицо.

- Этот остров не зря называется "ловушкой для кораблей", - задумчиво проговорил он. - Иногда морской бог в своей ярости посылает их мне. Когда же провидение не столь благосклонно ко мне, я немного помогаю ему. Подойдите к окну...

Рейнсфорд встал из-за стола.

- Внимательно посмотрите в море, - воскликнул генерал и указал рукой во мрак, Рейнсфорд не увидел ничего, кроме темноты. Генерал нажал в стене какую-то кнопку, и в море вспыхнул сноп света. Генерал улыбнулся.

- Огни указывают на ложный фарватер. Там притаились гигантские скалы. Они могут так же легко раздробить корабль, как я этот орех.

Он бросил орех на паркет и ударом каблука раздавил его.

- Ах да, - небрежно сказал он, как бы отвечая на немой вопрос своего гостя. - У меня есть электричество. Мы стараемся быть цивилизованными...

- Цивилизация? И вы стреляете в людей?

На какое-то мгновение в темных глазах генерала мелькнула неприкрытая злоба, но он сказал самым любезным тоном:

- Боже мой! Какой добродетельный молодой человек! Я вас уверяю, это не так жестоко, как вы себе представляете. Это было бы просто варварством... Я обращаюсь со своей "дичью" со всем почтением. Им хватает хорошей пищи, тренировок, упражнений. И они скоро приходят в превосходное физическое состояние. Завтра утром вы сможете убедиться в этом.

- Что вы хотите сказать?

- Мы посетим мой тренировочный центр. Он находится в подвале дома. В настоящее время у меня есть кое-что, в количестве двенадцати человек... Они с испанской барки "San Lucas", которая вмела несчастье зацепиться за скалы. К сожалению, эта партия товара самого низшего качества. Бедные создания больше

привыкли к палубе, чем к джунглям...

Он поднял руку, и гигант, исполнявший роль слуги, принес густой кофе по-турецки.

- Поймите меня правильно, - сказал генерал. - Это игра. Я предлагаю кому-нибудь из них охотничью партию. Я даю ему провизию, великолепный охотничий нож. Три часа форы. Я преследую его с пистолетом малого калибра и с небольшим убойным расстоянием. Если моя дичь в течение трех суток ускользает от меня, она выигрывает партию. Если я ее нахожу, - генерал улыбнулся, - она проигрывает. Игра в прятки...

- А если она отказывается быть дичью?

- Ах! - вздохнул генерал. - Само собой разумеется, я даю ему право выбора. Если он не хочет принять участия в охоте, я отдаю его Жану. Некогда он имел честь быть любимым палачом у моего отца. У него свои понятия о развлечениях. Они, мосье Рейнсфорд, непременно выбирают охоту.

- И если они выигрывают?

Улыбка на лице генерала стала еще шире, еще лучезарнее.

- До сегодняшнего дня я еще ни разу не проигрывал, - с гордостью сказал он и быстро добавил: - Боже упаси, я не хочу, чтобы вы подумали, мосье Рейнсфорд, будто бы я хвастаюсь. Большая часть из них предлагает самые элементарные решения, но иногда мне приходится потрудиться. Был один, которому очень хотелось выиграть. В конце концов мне пришлось прибегнуть в помощи собак.

- Собак?

- Сюда, я вас прошу. Я их вам покажу,

Генерал подвел Рейнсфорда к окну. Свет бросал дрожащие отблески на землю, и они образовывали причудливые рисунки на песке. Охотник увидел, как внизу перемещаются три или четыре огромные тени. Когда собаки подняли головы к окнам, их глаза блеснули зловещим зеленым огнем.

- На мой взгляд, это вполне приличная свора, - заметил генерал. - Я их выпускаю каждую ночь. Если кто-либо намеревается проникнуть в мой дом с улицы или же выйти из него, с ним происходят чрезвычайно неприятные вещи...

И он замурлыкал какой-то мотивчик.

- А теперь, - сказал генерал, - я покажу вам совсем другую коллекцию - из голов. Извольте пройти со мной в библиотеку.

- Вы меня извините, генерал. Я сегодня устал и неважно себя чувствую.

- В самом деле? - забеспокоился генерал. - В этом нет ничего противоестественного, вы так долго плыли, вам необходим хороший сон. Держу пари, что завтра вы почувствуете себя совсем другим человеком. Тогда мы поохотимся, не правда ли? У меня есть на примете нечто обещающее...

Рейнсфорд торопливо вышел из комнаты.

- Сожалею, что вы не сможете пойти со мной сегодня ночью! - крикнул вдогонку генерал: - Меня ждет очаровательная охота. Большой, крепкий негр... Впрочем, спокойной ночи, мосье Рейнсфорд!

* * *

Кровать была удобной, а шелковистая пижама достаточно мягкой, и тем не менее Рейнсфорд долго не мог заснуть. Он лежал с широко раскрытыми глазами, вспоминая беседу с генералом. Через какое-то время ему показалось, что в коридоре послышались чьи-то осторожные, крадущиеся шаги. Он вскочил и бросился к двери, она оказалась запертой. Рейнсфорд подошел к окну и выглянул наружу. Его комната находилась на вершине одной из угловых башен. Свет в замке был погашен, светил лишь краешек желтой луны.

В ее бледном свете Рейнсфорд увидел темный двор, черные тени, неслышно скользившие внизу, приглушенные звуки голосов. Собаки почувствовали его и

настороженно подняли морды, их глаза вспыхнули зеленым огнем. Рейнсфорд вернулся назад и упал на кровать. Ему удалось вздремнуть только на рассвете, когда он услышал далеко в джунглях сухой звук пистолетного выстрела...

Генерал вышел только к обеду. Он был одет в безукоризненно сшитый твидовый костюм. Он сразу же осведомился о здоровье своего гостя.

- Что касается меня, - вздохнул генерал, - я не совсем хорошо себя чувствую. Я обеспокоен, мосье Рейнсфорд: вчера вечером я обнаружил у себя симптомы моей старой болезни.

На вопросительный взгляд Рейнсфорда он ответил:

- Скука, скука... Охота была плохой прошедшей ночью. Простофиля просто потерял голову от страха. Он направился по прямой, по элементарной прямой, разгадать которую не составляло никакого труда. В этом недостаток моряков. У них скудный умишко, и они не способны изобрести что-либо пооригинальней. Это очень надоедает... Еще стаканчик шабли, мосье Рейнсфорд?

- Генерал, - сказал Рейнсфорд твердым голосом, - я хочу немедленно покинуть остров.

Кустистые брови генерала вопросительно поднялись. Он сморщился, как от зубной боли.

- Но, мой дорогой, вы только что прибыли. И вы еще не охотились...

- Я желаю уехать сегодня же, сейчас же, - твердо повторил Рейнсфорд, вставая из-за стола.

Он увидел, что темные глаза человека, сидящего напротив, стали еще темней. Они пристально смотрели на него, изучали его. Вдруг лицо генерала озарила какая-то мысль. Из покрытой пылью и паутиной бутылки он налил старое шабли в бокал Рейнсфорда.

- Садитесь, обед еще не кончен, а вам нужно набраться сил... Вечером мы поохотимся: вы и я...

Рейнсфорд покачал головой:

- Нет, генерал, я не хочу охотиться!

Хозяин, пожав плечами, принялся есть виноград.

- Как хотите, мой друг. Только вы сами можете это решить. Но позвольте вам напомнить: мои взгляды на охоту более привлекательны, чем взгляды Жана.

Он кивнул головой на угол, где с угрожающим видом застыл гигант, сложив могучие руки на бочкообразной груди.

- Не собираетесь ли вы сказать!.. - воскликнул Рейнсфорд.

- Мой дорогой, - сказал генерал, - разве я вас не предупреждал, что не шучу, когда дело касается охоты? Это настоящее вдохновение! Наконец-то я подниму этот бокал в честь врага с качествами, сравнимыми с моими...

Генерал высоко поднял бокал. Рейнсфорд смотрел на него расширившимися от ужаса глазами.

- Вы увидите, что эта игра стоит свеч, - с энтузиазмом произнес генерал. Ваш мозг против моего. Ваша сила и ваши навыки против моих. Шахматная партия на свежем воздухе! И ставка не без цены, а?

- И если я выиграю? - хрипло сказал Рейнсфорд.

- Я с радостью признаю себя побежденным, если в полночь на третьи сутки не найду вас. Мой шлюп доставит вас на континент, вблизи какого-нибудь населенного места. Вы можете мне доверять... Я дал вам слово джентльмена и охотника. Разумеется, вы должны обещать мне ничего не рассказывать о своем визите сюда.

- Я не возьму обязательства подобного рода.

- В таком случае... но почему мы говорим об этом сейчас. Через три дня мы сможем сделать это, распивая бутылку "вдовы Клико", если только...

Генерал отхлебнул маленький глоток вина и с предприимчивостью делового

человека стада излагать свой план.

- Жан даст вам охотничью одежду, провизию, нож. Я же вам советую надеть индейские мокасины, след менее заметен. Также советую избегать большого болота в южной части острова. Мы называем его Болотом Смерти. Там зыбучие пески. Один глупец попытался туда проникнуть... Самое прискорбное то, что Лазарус его преследовал. Вы без труда представите мое горе, мосье Рейнсфорд. Я обожал Лазаруса, это была лучшая собака из моей своры... А сейчас я прошу меня извинить, я всегда сплю после обеда. К тому же я очень боюсь, что и у вас едва хватит времени вздремнуть. Не сомневаюсь, что вам хочется выступить немедленно. Я пойду по вашим следам не раньше сумерек. Охота гораздо насыщеннее ночью, чем днем, ни правда ли? До свидания, мосье Рейнсфорд!

Учтиво поклонившись и отдав честь, генерал неторопливо покинул обеденный зал. И сразу же вошел слуга-гигант. Под мышкой он нес охотничью куртку цвета хаки, сумку с провизией, охотничий клинок с длинным лезвием в кожаных ножнах. Его правая рука лежала на кобуре с револьвером, пристегнутой к темно-красному поясу.

* * *

Вот уже два часа, как Рейнсфорд продирался сквозь джунгли: "Нужно сохранять хладнокровие и оставаться совершенно спокойным", - твердил он сквозь стиснутые зубы.

Он почти потерял голову, когда двери замка с грохотом захлопнулись за ним. Вначале была только одна мысль - насколько возможно удалиться от замка. Рейнсфорд бежал по прямой, подгоняемый острым чувством страха. Теперь он взял себя в руки и попытался оценить обстановку. Он понял, что бежать по прямой линии - сущее безумие, это неизбежно приведет его к морю, кишашему акулами и барракудами. "Ну что ж, - произнес он, - я дам ему след".

Рейнсфорд сошел с тропинки, по которой только что бежал, и углубился в девственную чащу леса. Он составил целый ряд сложных петель, не раз возвращаясь по своим следам на прежнее место. В эти петли он вложил все, что знал из охоты на лисицу. Ночь застала его усталым, с лицом, исхлестанным колючими ветками, где-то на лесистом пригорке. Он знал, что было бы чистым безумием идти вслепую в темноте, даже если бы у него и сохранились какие-то силы. И ему необходимо было отдохнуть. "Достаточно, - подумал он. - Я поиграл в лисицу из басни, теперь поиграю в кота..." Неподдалеку возвышалось огромное зеленое дерево с толстым стволом и раскидистыми ветвями. Приняв все меры предосторожности, чтобы не оставить под деревом и на коре ни малейшего следа, Рейнсфорд вскарабкался по стволу и вытянулся на одной из толстых ветвей...

Отдых придал ему силы и уверенность, охотник почувствовал себя почти в безопасности. Противник, даже такой усердный, как генерал, не сумел бы найти его. Только дьявол смог бы в такую темную ночь разобраться в его следах. Если только генерал не есть сам дьявол...

Полная страхов ночь тянулась бесконечно, как раненая змея. Сон не шел к Рейнсфорду, как бы он ни хотел этого. Над джунглями повисла мертвая тишина. К утру, когда грязно-белый рассвет забрезжил над деревьями, несколько встревоженных и изумленных птичьих криков заставили Рейнсфорда сосредоточить все свое внимание. Что-то или кто-то продирался сквозь заросли, медленно и осторожно продвигаясь по той же самой извилистой дороге, по которой прошел Рейнсфорд. Охотник распластался и замер на ветке, глядя вниз через густую листву дерева. К нему приближался генерал.

Он шел, наклонив голову к земле, внимательно приглядываясь к кустарникам, к траве. Почти под деревом он остановился, опустил на колени, изучая почву. Первым желанием Рейнсфорда было броситься вниз, как пантера, но правая рука генерала надежно покоилась на рукояти револьвера. Генерал, как бы поставленный в

тупик, несколько раз недоумевающе покачал головой, затем закурил одну из своих черных сигар. Едкий, как ладан, дым достиг ноздрей Рейнсфорда, и он чуть не закашлялся. Взгляд генерала оторвался от земли и сантиметр за сантиметром стал подниматься вдоль ствола дерева. Рейнсфорд застыл и напряг все мускулы, готовый к стремительному броску. Но, прежде чем достичь ветки, на которой затаился Рейнсфорд, генерал остановился. Улыбка пробежала по его лицу. Он медленно выпустил в воздух кольцо дыма, затем повернулся спиной к дереву и, равнодушно оглянувшись, удалился по той же дороге, по которой пришел. Шорох травы и кустов становился все тише и тише.

Из груди Рейнсфорда вырвался хриплый вздох. Как только к нему вернулась способность рассуждать, он вновь почувствовал липкий страх.

Генерал был способен всю ночь идти по следам и к утру найти его. Он мог распутать самый запутанный след, у него были сверхъестественные способности. Рейнсфорд висел на волоске, когда генерал почти нашел свою добычу.

Другая мысль была еще ужасней, и от нее по всему телу поползли холодные мурашки. Рейнсфорд отказывался верить в то, что говорил разум. Генерал просто-напросто играл с ним! Он его пощадил, чтобы продлить игру на сутки. Генерал был кошкой, а он мышью! В тот момент Рейнсфорд понял, что такое настоящий ужас: "Я не могу потерять хладнокровия. Я не хочу..."

Он соскользнул с ветки на землю и устремился в лес. На расстоянии с полкилометра от своего убежища он остановился в том месте, где громадное мертвое дерево опиралось на другое, поменьше и потоньше. Освободившись от сумки с провиантом, он вытащил из футляра нож и, собрав все свои силы, принялся за работу.

Наконец, когда все было сделано, он упал за колючий куст в сотне метров от дерева и затих. Ему не пришлось долго ждать. Кошка возвращалась поиграть с мышью. Генерал шел по следам в сопровождении одной из своих собак. Ничто не ускользнуло от его внимательных глаз - ни смятый стебелек травы, ни согнутая веточка, ни даже след во мху, какой бы он слабый ни был. Генерал настолько был поглощен изучением следов, что оказался под деревом, которое приспособил Рейнсфорд, прежде чем он его увидел. Его нога коснулась ветки, игравшей роль гашетки. В тот же самый момент легкая тень пробежала по лицу генерала, и он с проворством обезьяны отскочил назад. Увы, он не был достаточно быстр, подрубленное мертвое дерево, едва опирающееся на молодое, с грохотом сломалось и, падая, настигло генерала, скользнув ему по плечу.

Еще немного, и он неизбежно был бы раздавлен массой дерева. Генерал зашатался, но не упал и не выпустил револьвера из рук. Он остался стоять на месте, потирая ушибленное плечо. Рейнсфорд, которому страх вновь сжал сердце, услышал саркастический смех генерала.

- Рейнсфорд, - прокричал генерал, - если вы меня слышите, как я предполагаю, разрешите вас поздравить. Мало кто из профессионалов может сделать эту ловушку по-малайски. К счастью, я тоже охотился на Малакке! Вы представляете интерес, мосье Рейнсфорд. Сейчас я пойду перевяжу рану. Но я вернусь, обязательно вернусь...

Как только противник, потирая ушибленное плечо, удалился, Рейнсфорд побежал. Теперь это было самое настоящее бегство, дикое и растерянное, которое продолжалось несколько часов. Наступили сумерки, быстро стемнело, а Рейнсфорд все продолжал свой бег. Неожиданно почва под его мокасинами сделалась сырой, растительность стала более пышной, более плотной. Появились тучи moskitov и комаров. Нога Рейнсфорда провалилась в вязкую тину. Он попытался ее освободить, но грязь, как черная амазонская пиявка, яростно засасывала ее. Теперь он понял, где находится: Болото Смерти, зыбучие пески...

Податливый грунт натолкнул Рейнсфорда на новую идею. Вытащив ногу из вязкой тины, он отступил шагов на десять в сторону и принялся копать почву, похожий на гигантского доисторического бобра. Во время войны Рейнсфорду не раз приходилось рыть укрепления во Франции, когда каждая секунда промедления могла стоить жизни. По сравнению с тем, что он делал сейчас, то было спокойное времяпрепровождение. От быстроты зависело, удастся ли его план.

Яма становилась глубже. Когда она стала больше, чем по плечи взрослому человеку, он вылез из нее, срубил несколько молодых крепких сучьев и сделал из них колья, концы которых хорошо заострил. Он укрепил их на дне ямы, направив остриями кверху. Неуловимо быстрыми движениями пальцев он соткал грубый ковер из травы и ветвей и накрыл им горловину ямы. Затем, мокрый от пота, больной от усталости, он спрятался за остатки спаленного молнией дерева.

* * *

Он почувствовал, что тот, кто преследовал его, приближается. Он слышал чавкающий шум шагов по мокрой земле. Ночной бриз донес до него запах дорогих сигар. Рейнсфорду показалось, что противник приближается к нему с необычайной быстротой. Генерал шел теперь не на ощупь, как-то странно, торопливо бежал. Из своего укрытия Рейнсфорд не мог видеть ни противника, ни ловушки. В течение минуты он постарел на год. Потом ему захотелось кричать от радости, когда он услышал сухой треск ломаемых ветвей и падение тяжелого тела. Раздался протяжный звериный вой, острые колья выполнили свою задачу.

Рейнсфорд выскочил из своего укрытия, затем в ужасе отступил. В метре от ямы стоял человек с фонарем в руке.

- Это хорошая работа, мосье Рейнсфорд! - прокричал генерал. - Ваша западня на тигра по-бирмански стоила жизни моей лучшей собаке. Вы выиграли еще одно очко. Посмотрим, что вы сделаете против всей своры! Я возвращаюсь, чтобы отдохнуть. Спасибо за столь насыщенный вечер!..

На рассвете Рейнсфорд, спавший в густом кустарнике у болота, был разбужен шумом, который продемонстрировал ему, что у него осталось еще много неизученного в области страха... Он распознал этот далекий, слабый и неопределенный шум своры.

Рейнсфорд понимал, что он может выбрать одно из двух. Остаться на месте и ждать, что было равносильно самоубийству. Либо пуститься в бегство, что означало бы только желание оттянуть неизбежное. Он размышлял какое-то время. Мысль, в которой, казалось, был заключен какой-то мизерный шанс, пришла ему на ум. Расстегнув пояс, он пошел в сторону, противоположную болоту.

...Лай собак приближался, свора подступала все ближе и ближе. На одном из пригорков Рейнсфорд взобрался на дерево. В долине реки, примерно в полукилометре от него, он увидел, как шевелятся заросли. Он различил худощавую фигуру генерала, прямо перед ним Рейнсфорд заметил силуэт другого человека, квадратные плечи которого выступали над высокой травой долины. Это был слуга-гигант. Казалось, что его влечет вперед какая-то сила. Рейнсфорд догадался, что это свора собак на поводке, конец которого находится в руках гиганта.

Они будут здесь с минуты на минуту. Мозг Рейнсфорда исступленно работал. Ему припомнился способ охоты, которому его научили жители одной африканской деревушки в Уганде. Он соскочил на землю, схватил молодое упругое деревцо и привязал к нему охотничий нож, острием в сторону, противоположную своим следам. Он оттянул и закрепил деревцо прочной лианой, устроил спусковую чашечку и побежал.

Лай собак превратился в вой, когда они напали на свежий след. Теперь Рейнсфорд знал, что чувствует животное, когда слышит приближение погони. Ему пришлось на секунду остановиться, чтобы перевести дыхание. Лай неожиданно

оборвался, и сердце Рейнсфорда замерло. Очевидно, погоня достигла места, где он устроил свой угандийский сюрприз.

Рейнсфорд взобрался на дерево и посмотрел назад. Он увидел стоящего в неглубокой долине генерала, но слуга исчез. Нож почти выполнил свое назначение...

У Рейнсфорда едва хватило времени спрыгнуть на землю, как снова послышался лай своры. "Хладнокровие! Хладнокровие!" Рейнсфорд бросился к просвету в джунглях. На другой стороне бухты он увидел мрачные серые стены замка. У подножья ревели и колыхалось море. Время от времени волны рассекал плавник какой-нибудь крупной рыбы. Генерал говорил, что в здешних водах полно акул...

Свора приближалась. Рейнсфорд бросился в волны.

* * *

Когда преследователь достиг того места, где жертва бросилась в море, он остановился. В молчании стоял он несколько минут, вглядываясь в зелено-голубые волны, затем пожал плечами, сел на песок и отхлебнул глоток коньяку из серебряной фляги. Закурив душистую сигару, генерал принялся насвистывать из "Мадам Баттерфляй"...

В тот вечер генерал съел великолепный ужин в своем огромном рыцарском зале. Он сопроводил его бутылкой "божоле" и выпил полбутылки "шамбертена". Правда, радость победы омрачали две легкие тени: мысль о том, что будет нелегко заменить Жана, и то, что добыча ускользнула от него. "Разумеется, Рейнсфорд нарушил правила игры, - подумал генерал, - ну да ладно, зато он доставил мне истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение..."

В библиотеке, чтобы утешиться, генерал прочел на ночь отрывки из Марка Аврелия. В десять часов вечера поднялся в спальню.

- Я сегодня отменно поохотился и очень устал, - произнес он вслух, закрывая дверь на ключ.

По комнате струился холодный лунный свет. Прежде чем зажечь свет, он подошел к окну и выглянул во двор. Собаки подняли головы и протяжно завывали.

- Бедняги! В следующий раз вам повезет больше! - крикнул он им и повернул выключатель.

За пологом кровати, притаившись, стоял человек.

- Рейнсфорд! - вскричал генерал. - Как вы сюда попали, черт возьми?

- Вплавь, - сказал Рейнсфорд. - Я обнаружил, что это быстрее, чем идти сквозь джунгли.

Генерал глубоко вздохнул и улыбнулся.

- Я вас поздравляю, - сказал он. - Вы выиграли партию!

Рейнсфорд не улыбался.

- Я все еще зверь, затравленный собаками, - сказал он хриплым и низким голосом. - Приготовьтесь, генерал!

Генерал сделал один из самых своих глубоких и изысканных поклонов.

- Восхитительно! - сказал он. Один из нас послужит пищей для моих собак. По вашей вине они сегодня голодны... Другой выпится в этой превосходной постели. Обороняйтесь, Рейнсфорд!

* * *

"Черт побери, кровать действительно великолепная", - подумал Рейнсфорд, засыпая.